

Этот рассказ был начат ещё год назад, к июньскому номеру «60 параллели», где мы собирались говорить о феномене мужского и женского в нашей жизни. Будучи недописанным, он остался в портфеле редакции. И вот после последних событий в Египте — он перед вами.



Каир без времени

Ксения Никольская,

журналист, фотограф,
Каир – Санкт-Петербург

Город с мужским характером

Мы сидим на залитой солнцем улице и потягиваем свежевыжатый апельсиновый сок. Вокруг нас шумит двадцатимиллионный город. «Мне кажется, я влюблена в Каир», — произносит моя испанская подруга, художница Асун. «Я в сложных отношениях с этим городом вот уже семь лет», — говорю в ответ.

Стоп, а почему мы говорим о нём, как о мужчине? Во-первых, Аль Кахира — в переводе с арабского означает «Победоносная» — род женский! Во-вторых, это город, а не любовник, которого собрались обсуждать две подруги. Но хочешь ты этого или нет, Каир внедряется

в твою жизнь наравне с человеческими персонажами, о которых будет сказано ниже...

Здесь, конечно, не дожидаться голливудского хеппи-энда со свадьбой, это скорее французское кино! Отношения с Каиром похожи на роман, который длится долго и мучительно. В Каир либо влюбляешься без памяти, либо ненавидишь, никаких промежуточных эмоций. Сколько раз я слышала: «Грязный!» Ну грязный, но как говорили во времена моей юности: «Настоящий мужчина должен быть свиреп и вонюч», — это как раз тот случай.

Каждый день в Каире — это приключение, выход из дома сопровождается лёгким возбуждением, словно ты спешишь на свидание! Ежедневно город испытывает твои чувства и проверяет тебя на прочность: то окунёт в невероятную жару и обожжёт лодыжки автомобильными выхлопами на перекрёстке, то засыплет песком и пылью. Февральский холод в Каире не сравним ни с чем, промерзаешь до костей — в домах нет отопления... А иной раз он вдруг откроет перед тобою заветную дверь и преподнесёт неожиданный сюрприз... Выйдешь за хлебом или сигаретами и вернёшься спустя восемь часов без хлеба и сигарет, но с массой новых впечатлений и друзей.

Спротивляться и пытаться изменить кем-то predetermined ход событий бесполезно, единственный способ существования тут: плыть по течению. In Shaallaa, всё в руках

Бога — пассивность, компенсируемая добродушием и отзывчивостью.

Всё, что происходит в Каире, ты воспринимаешь как личное отношение города к тебе: сегодня в твой адрес сыплются проклятья, завтра — слова восхищения. Каир не терпит равнодушия к своей персоне, чуть-чуть отвлечёшься, он, как ребёнок, возьмёт тебя за подбородок и повернёт к себе твоё лицо, требуя внимания...

Если ты не готов к этому, то лучше остаться дома, как сегодня. Каир опасен и непредсказуем, вчера 23-летнего молодого фотографа убило обломком здания Египетского банка. Он не пытался разоблачить режим Мубарака, он просто пил кофе в Даун Тауне. Страшное и абсурдное происшествие.

Мой друг художник — Шериф Эль Азма — говорит, что Каир — это город, который «подаёт мужчин и парализует женщин».

Гарден Сити

Весной 2010 года я переехала в Гарден Сити, достаточно привилегированный район Каира, тут много посольств, офисы ООН, старые особняки в стиле Belle époque. Своим рождением Гарден Сити обязан Nile Land & Agricultural Company, которая в 1905 году заказала инженеру Хосе Ламба создать новый район Каира на месте бобовых полей. Строительство новых мостов через Нил в том же году резко повысило цены на землю в районе бывших огородов. Тут же,

Вид на Нил с моста Каср Эль Нил, который ведёт от Оперы к Тахриру, буквально за 30 минут перед тем как на мосту разыгралась кровавая битва между полицией и демонстрантами.



Каир без времени

на берегу Нила, в здании Английского посольства происходили действия романа Лоренса Даррела «Александрийский квартет». Извилистый план этого района напоминает лабиринт, некоторые улицы пересекаются по нескольку раз, и вы заканчиваете свой путь там же, где его начинали. В Гарден Сити живут египтяне с историей, как, например, моя соседка сверху мадам Ноэль или сосед снизу инженер Заки, они с трудом говорят по-английски, для них родной язык — французский...

В 60-х годах прошлого века население Каира изменилось до неузнаваемости. Бывший дантист, а ныне популярный писатель Алла аль Асуани в своём знаменитом романе «Дом Якубяна» увлекательно описал эту тенденцию. Большинство иностранных и неугодных новому правительству граждан Египта покинуло страну после 1956 года, их респектабельные квартиры, как в описываемом доме, принадлежавшем когда-то армянскому бизнесмену Якубяну, заняли молодые офицеры, в основном из провинции. Вместе с собой эта новая «элита» привезла и свою деревенскую родню, которая, словно насекомые, проникла во все щели и превратила бывший дворец в коммунальный муравейник. По книге был снят фильм, в котором много забавных цитат, вроде этой: «В этом доме когда-то жили эмиры, паши, министры и даже евреи».

Каир и раньше представлял собой конгломерат городов разного времени и разной культуры: античный и современный, коптский и мусульманский, сегодня традиция продолжается: старый город, запущенный и заброшенный, обрастает современными городами-спутниками: 6 Октября, Насер Сити, Вандерленд, Рехаб и Шерук.

То, что происходит с Каиром сегодня — это очень интересный градостроительный феномен, помноженный на местную специфику. Со времён фараонов в Египте мало что изменилось. Страна до сих пор представляет собой чётко структурированное классовое общество, как на древнеегипетских рельефах и фресках, когда фараон изображался самым большим, и все подвластные ему граждане уменьшались по мере их важности.



Вечеринка у Фариhi (француженки алжирского происхождения) — дизайнера — отмечали десятилетие её пребывания здесь.

Каирцы, словно бедуины, кочуют с места на место — в Даун Тауне «корм» кончился, и они спешат осваивать новые территории!

Эти новые города — частные инициативы местных коррумпированных олигархов, которые пользуются тем, что правительство не заботится о своих гражданах, и предлагают новые городские услуги — изолированный компаунд со шлагбаумом, куда нет доступа бедноте. Тут живут мои студенты из Американского Университета в Каире — самого престижного вуза в стране. Год обучения в нём стоит 120 000 египетских фунтов, а университетские рабочие получают ежемесячно только 400. Эти апшермидл класс юноши и девушки смутно представляют страну, в которой живут. Хотя именно они будут решать её будущее в скором времени, так как их родители владеют основным капиталом, передвигаются в личных автомобилях с шофёрами между Университетом, который напоминает торговый центр и одновременно отель в Шарм Эль Шейхе, и таими вот компаундами.

Соответственно — жильё в центре дешёвое, и квартиры занимают художники, студенты и экстравагантные иностранцы, которые вроде Вашей покорной слуги, готовы слушать какофонию каирских улиц, бороть-

ся с пылью и тараканами, самостоятельно ремонтировать туалет и менять газовые баллоны, но быть поближе к этому сумасшедшему пульсирующему мегаполису, который НИКОГДА не спит.

Пыль

Целью моего пребывания в Каире было собрать материал для фотокниги со странным названием «Пыль». Пыль как одна из ипостасей Отсутствия, типологией которой я занималась. Мы не можем сфотографировать время, но мы можем зафиксировать его следы.

Идея этой книги родилась в 2006 году, когда я во время очередной вылазки по городу наткнулась на особняк семьи Сарагельдин в Гарден Сити. История его так типична для Египта: пустующий дворец, как сцена для последних ста лет египетской истории, в центре города в одной из самых густонаселённых стран мира. Таких дворцов в Египте не счесть, это результат странной экономической политики и сложных семейных отношений. За пять лет работы я объехала почти всю страну и собрала тысячи фотографий, которые войдут в книгу, среди них, кроме Каира — Александрия, Луксор,

Каир без времени



Чтобы представить, как выглядела египетская столица в конце XIX века, достаточно назвать два факта: весь Каир был покрыт сетью трамвайных линий, а улицы освещались электричеством. Исмаил хотел закончить реконструкцию одновременно с открытием Суэцкого канала, чтобы поразить всю мировую общественность, которая соберётся по случаю этого грандиозного мероприятия.

Гендерный вопрос

Каково жить в Каире «белой», простите за неpolitкорректность, женщине? Каждое утро я выхожу из дома, и меня приветствуют и провожают взглядами работники прачечной, продавцы овощей и фруктов, ребята из продуктового магазина «Blue Nile Grocery», братья Ахмед и Мухаммед, у которых

1.

2.

3.

1. Греческий клуб на улице Аммаль Этдин, излюбленное место каирской богемы, одно из немногих, где торгуют алкоголем в Рамадан.
2. Заброшенный двор мечети в районе Цитадели.
3. Неспящие окна министерства внутренних дел.

я покупаю воду и пиво, я их называю Gin & Tonic brothers. Они знают про меня всё: что я живу одна, в основном, и у меня всегда много разнообразных гостей. Как часто я меняю постельное бельё и сколько воды, пива, фруктов поглощаю.

Мой парикмахер Хасан стриг, наверное, ещё звезду египетского кино Фатен Хамама. Он красит мои волосы, а его жена, приготовив мне чаю с мятой, удаляется в заднюю комнату, где покрыв голову чем-то зелёным, начинает бить поклоны — я вижу её отражение в зеркале.

После моего ухода они обсудят мою персону, но я не переживаю на этот счёт. Помогает кольцо на пальце и время от времени наезжающий ко мне муж. Для них я Мадам, то есть женщина, которая

Иду по направлению к площади Тахрир (я даже не могла представить, когда писала эти строчки, что площадь Тахрир вскоре станет такой известной), по улице Каср эль Ани. Мужчины все в чёрных костюмах и солнечных очках; десятки вооружённых полицейских; бастующие рабочие с комбината, который был недавно приватизирован, осаждают министерство юстиции. На Каср Эль Ани расположено много министерств, в частности, главное министерство внутренних дел, в котором работает 1,4 миллиона из 84 миллионов египтян. Вся эта атмосфера напоминает советские фильмы детства про Сальвадора Альенде и латиноамериканские путчи! Возвращаюсь, опять мужчины, сидят в уличных кафе, смотрят футбол и громко проклинают всё на свете.



Путешествие

добилась всего в этой жизни. Одинокие самостоятельные женщины в Египте — невозможное явление, их опекают и осуждают. Многие молодые женщины стараются выйти замуж и потом быстро развестись, в этих случаях семья «умывает руки» и смотрит на них как на пропащих.

Английская соседка из дома напротив волнуется за свой моральный облик, поэтому покупает тампоны и презервативы в аптеке другого района. К женским гигиеническим продуктам тут такое же странное отношение, как и к алкоголю: тебе непременно завернут бутылку или прокладки в газету. Хорошо ещё, что у меня в доме нет боаба — египетский вариант привратника/вахтёра, который собирает арендную плату, помогает тебе в мелочах и блюдёт нравственность жильцов.

Каждый десятый в униформе, на плече болтается АК или из-под рубашки выпирает револьвер. С 1981 года, когда был убит президент Садат, Египет находится на военном положении. Приезжающие на пару дней туристы, конечно, не успевают заметить всех этих реалий. Но официально вас могут арестовать за то, что вы идёте по улице вместе с египтянином/египтянкой, если у него/неё не найдётся официальной лицензии туристического гида или одной из многочисленных бумажек, так почитаемых в этой стране!

Вас никогда не поселят с египтянином/египтянкой в один номер, а в наиболее ортодоксальных районах страны, как Асуан, например, — даже в одну гостиницу. На фоне всего этого удивительным кажется

ответ книжного издателя Марка Лидса на вопрос: «Что вот уже 40 лет держит тебя в Каире?» — «Свобода!»

Мужчин в Египте большинство! На улицах тестостерон просто разлит в воздухе, говорят, что это от обилия солнца, иногда это приятно, но иногда хочется стать невидимой... Думаю, подобные ощущения испытывали выпускницы закрытых женских пансионов при столкновении с действительностью. Хотя в повседневной каирской жизни и существует определённое половое разделение.

Начнём с общественного транспорта: в метро и трамваях существуют женские вагоны. Вам никто не запретит прокатиться в мужском, но если вы со спутником другого пола, то в женский вагон вам путь заказан, здесь матери с детьми и религиозные женщины в чёрном и, конечно, всегда свободнее и лучше пахнет.

В железнодорожных кассах очередь мужчин и женщин разделяет мраморный барьер — женщины слева, мужчины справа. Правда, даже саму очередь мало кто соблюдает. Иностранку пропустят вперёд — интуриста тут всегда «почёт», но и сдерут двойную цену, как это было в СССР. В Египте существует так называемый «хавага комплекс» — выражение, услышанное мной не раз от моих египетских друзей. Хавага

1.

1. Фасад одного из самых известных в прошлом кинотеатров Каира «Радио», в данный момент запущенного.

Каир без времени





Интерьер мечети в старом городе.

в переводе с арабского — иностранец, что можно понять как неумное поклонение перед иностранцами. Тебя «жалеют» и контролируют: селят только в дорогие гостиницы и заставляют путешествовать первым классом. На праздниках полицейский офицер непременно возьмётся «защитить» тебя от толпы миролюбивых соотечественников — тут полиция в створе с туроператорами, несколько лет назад даже было придумано специальное полицейское отделение — туристическое.

Мои египетские друзья тоже, в основном, мужчины, для них я — «смутный объект желаний» и одновременно «кость в горле», ввиду своего нетипичного поведения. Вот, например, Пол, он автор большинства афоризмов, услышанных мною за последние полгода. Когда-то его семья владела кожевенной фабрикой. Он был рождён капиталистом! Революция 1952 года внесла свои коррективы. Кроме успешного бизнеса семья Гедей увлекалась искусством. Папа, дядя и тётка болгарского происхождения — все занимались живописью. Их сын учился на химика, но решил стать художником. От прежней роскоши осталась квартира в Гарден Сити, увешанная живописью, с символической арендной платой в 27 гиней/фунтов (5 \$),

установленной ещё Нассером, как Пол любит повторять, «мое социалистическое право», и ещё кое-какая недвижимость, разбросанная по стране.

Пол, краевед по призванию, знает страну как свои пять пальцев, может по именам назвать всех владельцев отелей и баров от Дельты до Асуана. На формирование личности, несомненно, повлияло обучение в иезуитской школе и католическое воспитание.

Его университетским товарищем был Зика, который в нашем рассказе получает прозвище Охотник на крокодилов.

Отца Зики «добрые люди» называли Египетским Берия. Этот мощный старик был вице-президентом при Нассере и основателем египетских спецслужб — Мухабарата, аналога нашего КГБ. Не самое приятное знакомство для внучки политзаключённых. Даже внешне Зика немного унаследовал этот страшный образ: маленькие круглые очки и лысая голова.

Зика живёт в большом трёхэтажном доме в Докки, по соседству со знаменитым сельскохозяйственным музеем. На первом этаже — легендарный отец, которому 93. Старик давно ушёл из политики (хотя его имя по-прежнему открывает все двери) и перестал отвечать на вопросы, связанные с его

профессиональной деятельностью, очевидно, стараясь избавить близких от ненужных страшных подробностей.

Зика владеет фармацевтическим бизнесом и содержит многочисленную родню от Каира до Монреалья.

Отец Аймана долгие годы не сходил с египетских экранов — он снялся в 80 фильмах и был очень популярным актёром. Дедушка был активным политическим деятелем, который боролся за независимость Ливана от французов, на этой почве сблизился с Гитлером, который тоже был против французов, и даже состоял с ним в переписке. Пытался дать имя Гитлер одному из своих сыновей, но был вовремя остановлен бабушкой, которая с приходом второй мировой

выбросила всю эту переписку и именной револьвер в Средиземное море (семья проживала в Александрии).

Айман познакомил меня с Валидом. Когда Валиду было десять лет, его отец стал губернатором Суэца, разрушенной территории, которую Египет получил обратно после арабо-израильской войны 1973 года. Семья переехала вместе с ним. Суэцкий губернатор представлял собой фактически склад боеприпасов. Мальчик собирал все эти пули и гранаты и как-то случайно поджёг склад. Пожар был огромным, так как про это событие написали в египетских газетах. Отец, в прошлом сотрудник спецслужб, побил его прикладом охотничьего ружья, с тех пор в отношениях отца и сына присутствует легко уловимое напряжение.

Такого числа экстравагантных персонажей на один квадратный метр вряд ли найдёшь в других городах Египта. Чтобы не лишиться рассудка, раз в три месяца Каир надо покидать. Иначе каирская пыль проникнет в твои лёгкие и клетки головного мозга, ты потеряешь ощущение времени и пространства.

Неожиданный финал

Я заканчивала этот текст в сентябре 2010-го, но с тех пор много чего произошло. 25 января 2011 случилась революция, за развитием которой я наблюдала с балкона пятизвёздочного отеля «Интерконтиненталь». Дело в том, что 28 января египетская оппозиция ожидала так называемый «Марш миллионов». Оставаться дома и ждать непонятно чего было странно, и мы решили найти наших друзей художников, кинематографистов — бегемную тусовку и на сегодняшний день политически активную часть египетской культурной интеллигенции.

Двинулись в центр к площади Тахрир и первым делом увидели гигантский кордон полицейских, вооружённых щитами и пушками со слезоточивым газом. Мы сказали, что мы идём в Египетский музей, и тогда нас пропустили: недаром шутят, что путеводитель по Каиру — лучшая защита от полицейских.

Мы издали далеко наблюдали за группой демонстрантов, медленно продвигающихся по мосту 6 Октября. К ним одно-

Каир без времени

временно с трёх направлений стекались отряды вооружённой полиции. Буквально через несколько минут мы оказались отеснёнными полицейскими к гостинице «Интерконтиненталь», куда нас затолкали как туристов, забаррикадировали деревянными щитами и заперли.

Мы поднялись на балкон второго этажа, откуда видели три атаки демонстрантов на полицию и её последующее позорное бегство с моста Каср Эль Нил. Как потом выяснилось, в толпе демонстрантов были наши друзья, которые приняли на себя основную мощь газовой атаки, кое-кому достались и резиновые пули. Мы видели, как переворачивали полицейские водомёты и сбрасывали их в воду, как с помощью дорожных заграждений демонстранты прокладывали себе путь. Особо отчаянные взбирались на крыши полицейских машин.

По мере того, как садилось солнце, картинка становилась всё более сюрреалистичной: здание Оперы в дыму и на фоне заката.

Спустя время, всех постояльцев отеля и наблюдающих за штурмом с балкона, среди них было, кстати, много иностранных журналистов, «попросили» подняться выше, на 4 этаж, где расположен бассейн и фитнес-центр. Здесь официанты стали предлагать свежевыжатые соки. Я поинтересовалась, нет ли у них шампанского, тогда это было бы уже высшей степенью колониального абсурда: богатые иностранные туристы и журналисты ведущих агентств хорошо проводят время в пятизвёздочном отеле и наблюдают за революцией.

Как только газовые атаки усилились, нам выдали бумажные маски. Когда восставшие прорвали полицейское оцепление, прямо под окнами отеля стали взрывать машины. На фоне этого зарева откуда-то вышел толстый белый ребёнок мужского пола с полотенцем на бёдрах, нырнул в бассейн и стал плавать... Всё это напоминало какой-то дурацкий фильм, если бы так не разъедало глаза от слезоточивого газа.

Где-то через час всем гостям, живущим в отеле, предложили занять свои комнаты и не выходить. Случайных посетителей, вроде нас, было немного.

Отель щедро предоставил нам комнаты с видом на горящий Тахрир, где мы про-

вели бессонную ночь, наблюдая, как внизу громят магазины и поджигают машины. Тогда же мы узнали про комендантский час и увидели въезжающие на площадь танки...

На следующий день мои украинские коллеги сообщили, что все аккредитации для журналистов отменили, а деятельность журналистов признали клеветой на президента, который на тот момент так и не сложил с себя полномочий, а только переизбрал кабинет, и армия единодушно его в этом поддерживает. Бессонная ночь, невозможность работы и опасность, которой в связи с этим стал подвергаться мой четырёхлетний труд (книга по колониальной архитектуре Египта) подтолкнула меня принять решение улететь в тот же день. Наши друзья из Киева купили нам билеты (мне и моей подруге Анне Войтенко — фотографу из Киева), и мы выехали из Докки до комендантского часа. По дороге в аэропорт мы заехали к Шерифу попрощаться. Молодые художники у него в гостях как ни в чём ни бывало играли на гитаре, пили пиво. Правда, решив купить ещё пива, воды и продуктов, они вышли в магазин, вооружившись арматурой. «Давай, Ксения, поешь с нами свои последние кошери!» — сказали они. «Нет уж, — говорю, — я терпеть не могу кошер, и совсем они не последние! До скорой встречи!»

Мы ехали в аэропорт, над нами низко пролетали бомбардировщики. Всю дорогу я испытывала смешанные чувства: с одной стороны, облегчение, а с другой — невыразимую печаль и стыд от сознания того, сколько друзей осталось в Каире, Александрии и Порт Саиде. Но не будем, как говорит Шериф, разводиться здесь «египетскую мелодраму».

Я уехала из Каира. Что это было: очередная размолвка или полный разрыв?

Время покажет, хотя время в Каире вообще не существует...

*Каир, Санкт-Петербург, Каир,
2010-2011 гг.*